

**МАО
ЦЗЭДУН**

**МАЛЕНЬКАЯ
КРАСНАЯ КНИЖИЦА**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2025

УДК 94(510)"19"
ББК 63.3(5Кит)6
М24

Мао, Цзэдун.

М24 Маленькая красная книжица / Мао Цзэдун ;
перевод с китайского. — Москва : Родина, 2025. —
448 с.

ISBN 978-5-00269-024-4

Мао Цзэдун — один из величайших политических деятелей XX века. Его идеи популярны не только в Китае: высказывания Мао давно стали лозунгами левого движения во всем мире. Достаточно вспомнить, что в 1968 году в Париже и в Вашингтоне восставшие студенты скандировали цитаты из произведений Мао, сражаясь на баррикадах. В наши дни по-прежнему множество почитателей «великого кормчего».

В чем же притягательность идей Мао Цзэдуна? Каким он видел будущее мира? Какие пути развития предлагал? Об этом в его главных работах, собранных в «Маленькую красную книжицу».

УДК 94(510)"19"
ББК 63.3(5Кит)6

ISBN 978-5-00269-024-4

© Мао Цзэдун, правообладатели
© Перевод с китайского
© ООО «ТД Алгоритм»

ПРЕДИСЛОВИЕ
ЧЕТЫРЕ МИФА О МАО

Авторы старинных сказок населяют дальние страны причудливыми существами с двумя головами или с одним глазом, гигантами или, наоборот, лилипутами. Страна истории, волей современных сказочников, оказывается населенной подобными существами, часто имеющими мало общего с жившими на самом деле людьми. Разница в том, что для древних сказителей дальние страны были лишь способом высказаться о ближних, не касаясь прямо дел шахов, визирей и прочих сильных мира сего. Для современных же сказочников, вооруженных по последнему слову пиар-технологий, история оказывается благодатным полем для упражнений в угождении сильным мира сего, в защите их власти, богатства и авторитета от незаконных посягательств какого-нибудь Али-Бабы или от ядовитых острот Ходжи Насреддина. Их поучительные истории направлены на то, чтобы безусловно доказать, — существующий порядок вещей самый лучший и самый разумный из возможных, а всякие попытки его изменить приводят лишь к кровавому безумию террора, власти самых темных и низменных инстинктов толпы, мрачной диктатуре.

Герои, сложившие голову в борьбе, такие, как расстрелянный в джунглях Боливии агентами ЦРУ Эрнесто Че Гевара, еще имеют шанс удостоиться снисходительного похлопывания по плечу со стороны современных хозяев дискурса. Мол, они стремились сделать жизнь лучше, их благие намерения достойны уважения и т.д. и т.д.. Но стоит только революционерам победить и начать, хорошо или плохо, но преобразовывать мир в интересах тех самых обездоленных, над бедами которых про-

ливают декалитры слез либеральные гуманисты, то снисходительное похлопывание по плечу превращается в уничтожающие удары. Они могут принять великомучеников революции, мертвых героев, но никогда не примут живую победившую революцию.

Либералы, привыкшие давать народу материальные и духовные блага, как подаяние, и привыкшие получать за это от народа причитающуюся благодарность, негодуют, когда сам народ начинает брать то, что ему нужно, не спрашивая дозволения и разрешения. Тогда народ в глазах высокообразованной публики превращается из страдающего агнца в монстра, замахнувшегося на основы основ цивилизации, а вожди этого народа предстают монстрами в квадрате. Единственное средство от повторения подобных «трагедий» видится для либеральных гуманистов в том, чтобы покрепче напугать народ великими потрясениями и в особенности их организаторами. И тут уже не остается дурных средств, чтобы вымазать черной краской исторический портрет замахнувшихся на старый порядок — все революционеры от якобинцев до большевиков становились жертвами такой обработки, им приписывались самые низменные цели и самые ужасные средства.

Морализирующие обличители революции продолжают свое дело, несмотря на то, что, как заметил когда-то Михаил Лифшиц, не будь революции они и до сих пор, наверное, стояли бы с подносом за спинкой кресла своего барина...

Ребенку, появившемуся на свет в провинции Хунань в двадцатый день одиннадцатого месяца года Змеи, или 26 декабря 1893 года, суждено было стать одним из любимых объектов нападков профессиональных сторонников «умеренного прогресса в рамках законности» и врагов скачков и революций.

Мифы и легенды живучи, особенно, когда за ними стоит сила и власть современных медиа, помноженные на предрассудки современного образованного мещанства. Борьба против демонической силы этого прекрасно организованного невежества не так просто. Однако, попробуем опрокинуть некоторые из мифов, окружающие имя великого китайского революционера Мао Цзэдуна. Это необходимо сделать, чтобы читатель имел возможность читать тексты Председателя не через многослойную призму этих мифов, а своими собственными глазами.

Фигура Мао Цзэдуна в истории XX века столь значительна, что трудно найти событие второй половины прошлого столетия, где не ощущалось бы ее влияния. В 60—70-е годы XX века

портрет Мао можно было увидеть не только в Китае, но и над колоннами бунтующих студентов Парижа, найти в вещмешках партизан Латинской Америки, он висел в кабинете Жан-Поля Сартра и лачуге восставшего против помещика индийского крестьянина. Мао цитировали члены американской негритянской повстанческой партии Черных Пантер, перуанские индейцы и даже погибший недавно президент Конго Лоран Дезире Кабила писал свою политическую программу, обращаясь за советом к произведениям Председателя.

Однако в 1920-е годы, когда Мао только начинал свою революционную «карьеру», ничто, казалось, не указывало на ту роль, которую ему суждено будет сыграть в истории Китая и всего мира. Когда 1 июля 1921 года в закрытом по случаю летних каникул женском колледже на территории французской концессии в Шанхае собрались делегаты учредительного съезда Коммунистической партии Китая из Пекина, Кантона, Цзинани, Чанши, Токио и других мест, на съезде присутствовал и скромный делегат от провинции Хунань — Мао Цзэдун.

По возвращении в родную провинцию Мао был избран секретарем Хунаньского отделения КПК. На тот момент в многомиллионном Китае насчитывалось чуть меньше двух сотен членов коммунистической партии...

Позднее, возглавляя партию, которая объединяет уже несколько миллионов членов, одержала ряд крупных военных и политических побед, он напишет, анализируя свой опыт: *«Правильность или неправильность идеологической и политической линии решают все. Когда линия партии правильна, все остальное приложится. Если нет последователей, последователи появятся; если нет винтовок, винтовки появятся; если партия не имеет политической власти, она сможет завоевать политическую власть»*. Более пятидесяти лет жизни Мао посвятит борьбе за правильную идеологическую и политическую линию.

С самого начала и до конца эти пятьдесят лет борьбы Председателя окружены плотным облаком мифов, наслаивающихся друг на друга и искажающих до неузнаваемости историческую правду.

Так, в литературе о лидере китайской революции господствует мнение о том, что Мао Цзэдун является крестьянским вождем и никак не связан с рабочим классом. Эта точка зрения культивировалась и советской пропагандой, пытавшейся таким образом подкрепить свой тезис о «мелкобуржуазности»

самого Мао и его критики в адрес политики Хрущева, Брежнев и позднесоветских порядков. Для западных исследователей тезис «Мао — крестьянский вождь» является спасительной соломинкой, схватившись за которую можно заявить, что марксизм, настаивающий на ведущей роли пролетариата, был лишь внешней формой, фразеологией китайской революцией, а сутью была загадочная «китайская специфика», неподвластная европейским рационалистическим теориям. Отсюда — один шаг до отрицания универсальности всемирной истории и сведения ее к непримиримому «конфликту цивилизаций», где одни цивилизации становятся оплотом европейской культуры и демократии, а другие — азиатского варварства и деспотизма, до теории, ставшей знаменем американских войн в Сомали, Афганистане, Ираке и обоснованием подготовки войны против Ирана.

Однако даже когда в Китае на 250 миллионов крестьян приходилось около полутора миллионов промышленных рабочих, большинство которых было сконцентрировано в городах прибрежной полосы и трудилось на иностранный капитал, Мао уделял основное внимание организации рабочих.

В те годы фабричные порядки Англии времен промышленной революции с 12—14-часовым рабочим днем и казарменной дисциплиной, вытесненные из Европы организованным рабочим движением, приходили в колонии и полукolonии, только начинавшие свое индустриальное развитие. Вот как описывает господствовавшие в Поднебесной условия труда деятель профсоюзного движения США Шервуд Эдди, побывавший в те годы в Китае:

«На спичечной фабрике в Пекине заняты около тысячи рабочих, среди них много детей от 9 до 15 лет. Рабочий день начинается в половине пятого утра и длится до половины седьмого вечера, с перерывом всего на несколько минут. Так продолжается семь дней в неделю. Вентиляция отсутствует, помещения полны губительных паров фосфора. Уже через полчаса у меня горело горло, рабочие же дышат этим воздухом целую смену. В среднем ежедневно заболевают 80 человек.

Я посетил также и текстильную фабрику, где работают 15 тысяч молодых людей. ...В крошечной клетушке общежития проживают десять человек: пять работают днем, пять ночью... Спят работницы на деревянных досках, укрываясь равными циновками. Самое страшное для них — не услышать воя фабричной сирены: опоздавших выбрасывают на улицу. Эти люди не живут. Они просто существуют».

Порядки фабричной казармы в городе плюс всевластие помещика, покупка невест, вера в духов, периодический голод в деревне — это и было последним словом «тысячелетней цивилизации», основы которой якобы насильственно сломал коммунистический переворот.

Лишь несколько фрагментов работы Мао по организации рабочих наглядно демонстрируют, что этот человек был вовсе не китайским вариантом Емельяна Пугачева.

До 1920 года единственной формой организации рабочих в Хунани, где в качестве партийного секретаря работал Мао, оставались доставшиеся в наследство от средневековья профессиональные гильдии. Однако в ноябре 1920 г. двое студентов-анархистов Хуан Ай и Пан Женьцюань основали Хунаньскую ассоциацию рабочих — первый рабочий профсоюз провинции, через год объединявший уже около двух тысяч рабочих. Вскоре Хуан и Пан под влиянием Мао вступили в Лигу социалистической молодежи. Мао уделял большое внимание организации рабочего движения, подчеркивая необходимость политической борьбы рабочих. Он писал в газете «Рабочий еженедельник»: *«Организация нужна не просто для того, чтобы забастовками заставить нанимателя сокращать рабочий день и повышать оплату труда. Организация должна будить классовое сознание и вести борьбу за интересы всего класса наемных работников».*

В 1922 году в городе Хуаши вспыхнула забастовка на хлопкопрядильной фабрике, администрация которой отказалась выплатить рабочим ежегодное вознаграждение. Губернатор Чжао вызвал лидеров забастовки Хуана и Пана на переговоры, в ходе которых пообещал выплатить рабочим причитающееся. Но затем обоих молодых людей казнили. Вероломство Чжао потрясло весь Китай. Наказать губернатора потребовал сам президент Сунь Ятсен. Действия губернатора привели к активизации рабочего движения, что позволило Мао развернуть работу еще шире. Он создает сеть вечерних школ, в которых учителями работали члены партии, пишет учебник, который не только позволяет овладеть письмом, но и знакомит читателя с социалистическими идеями. В сентябре 1922 года железнодорожные рабочие, требуя повышения зарплаты и улучшения условий труда, вышли на рельсы и блокировали движение. Присланные для наведения порядка войска открыли огонь по забастовщикам. Шесть человек были убиты, многие, в том числе женщины, ранены. Мао призвал к борьбе: *«Товарищи! Только на класс тру-*

жеников обрушиваются столь жестокие, бесчеловечные унижения. Есть ли предел нашему гневу? Можно ли измерить нашу ненависть? Какой мощи будет наш отпор? Мстить, мстить! Рабочие всей страны, поднимайтесь на борьбу с врагом!» — такое обращение разослал Мао рабочим организациям.

По предложению Мао угольщики, с которыми он работал с сентября 1921 года, присоединились к забастовке. Забастовка расширялась, и под угрозой ее перерастания в общенациональную власти согласились выполнить требования бастующих. Это было большой победой. В сентябре 1922 года Мао создает Союз каменщиков и плотников, в который вошли более тысячи человек. 5 октября Союз начал забастовку за повышение расценок за работу. Через 12 дней власти создали согласительную комиссию и сурово предупредили рабочих: «Упрямство не доведет до добра. Одумайтесь, пока не поздно». Комиссия предложила расценки, которые были выше старых, но не удовлетворяли требования забастовщиков.

23 октября было решено провести марш протеста. Власти марш запретили. Многие активисты заколебались. Но Мао убедил рабочих биться до конца. На следующий день на улицы вышла колонна из четырех тысяч каменщиков и плотников. Среди них в одежде простого рабочего был и Мао. К рабочим вышел адъютант губернатора. *«Когда около десяти вечера я проходил по площади, — писал случайный свидетель событий, — мое внимание привлекло интереснейшее зрелище... Я вижу, как чиновник взбирается на скамью и призывает собравшихся вернуться к семьям. Один из рабочих предлагает товарищам выразить свое мнение голосованием, но на вопрос, есть ли желающие отправиться домой, вверх не поднимается ни одна рука. «Вот вам наш ответ», — повернулся рабочий к чиновнику».* Этим рабочим, беседовавшим с адъютантом губернатора, был Мао. Забастовка достигла своей цели. Расценки были подняты, к тому же губернатор постановил, что вопросы расценок будут решаться на равноправной основе договором сторон, а не через средневековые гильдии, как раньше. Так Мао положил конец господству гильдий, этому наследству сотен лет феодализма, в Чанша.

Однако революция в Китае действительно пошла не по классическому европейскому пути «из города в деревню», а наоборот — «из деревни в город». Мао Цзэдун был одним из первых, кто понял это. В 1927 году, после кровавого поражения рабочего восстания в городах, Коммунистическая партия

Китая переходит к созданию крестьянской Красной армии, которая, руководствуясь учением Мао о затяжной народной войне, разбила в 1949 году войска Гоминдана — партии китайской буржуазии и установила Китайскую Народную Республику.

Но революционная война и победа армии из бедных крестьян для Мао не были окончанием революции. Наоборот, это только самое начало. Крестьянская армия — это способ свержения старой власти, но преобразование общества — дело организованных рабочих.

Однако и «крестьянская война», которая привела к победе в 1949 году, была не простой крестьянской войной, она велась под руководством партии, воспитанной борьбой городских рабочих и теоретической основой которой был марксизм — пролетарская, а не крестьянская, теория.

«В национально-освободительном движении необходимо отстаивать гегемонию пролетариата, — писал Мао Цзэдун¹. — Только рабочий класс является наиболее дальновидным, бескорыстным и последовательно революционным классом. Вся история революции свидетельствует о том, что без руководства рабочего класса революция терпит поражение, а при его наличии — одерживает победу»².

* * *

«Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой, — писал в 1919 году великий русский поэт Александр Блок. — Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью. Все — так».

Народная энергия обращается против культуры — это любят подчеркивать противники революции. Но они не замеча-

¹ Апологеты неокOLONиализма // Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. — Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1965. С. 219. — *Примеч. В.Шапинова.*

² Мао Цзэдун. О демократической диктатуре народа. — *Примеч. В.Шапинова.*

ют того, что заметил острым взглядом поэта Блок. Того, что веками культура обращалась против народа, причем культура, созданная за счет народа. Столетиями, чтобы один мог наслаждаться живописью, книгой, слагать стихи или писать музыку, десятки должны были чистить нузник, стоять у станка, рыхлить землю.

Естественно, что когда эти темные массы поднимаются к историческому творчеству, они могут негативно относиться к отчужденной от них культуре. Вина в этом, конечно, не самих масс, а той системы разделения труда, которая делала для них достижения искусства и науки недоступными. Революция же не только высвобождает эту «негативную» энергию народа, но и впервые открывает ему окно в мир культуры, показывает, что культура, развивавшаяся в отчужденной форме, на самом деле принадлежит народу.

В XX веке социальная революция захлестнула полуфеодальный, крестьянский, спящий Китай, и, конечно, условия преопределили то, что культуроборческая тенденция в этой революции оказалась сильна.

В период Мао люди продырявили не один храм. И сегодня в любом учебнике по истории Китая можно прочитать про «бесчинства хунвейбинов». Но где и когда история обходилась без таких «бесчинств», если менялся столетиями существовавший уклад жизни? Французская революция отрубил голову великому физика Лавуазье, тем не менее, без революции 1789 года не было бы современной Европы, и вряд ли кто-то из французов захотел бы посадить себе на шею аристократию, духовенство и короля, чтобы такой ценой сохранить жизнь ученого.

Американцами в Багдаде был разграблен величайший музей, где хранились уникальные экспонаты древних культур Междуречья, разрушены памятники истории. В каких учебниках об этом написано? По разным подсчетам, в результате войны в Ираке погибло от 600 тысяч до 1 миллиона человек... И вы продолжаете считать жертвы революции?

Кризисная ситуация складывается объективно и общество само сваливается в пучину насилия, которое практикуют все борющиеся стороны. Другое дело, что революция применяет насилие, чтобы создать новое, а контрреволюция — чтобы сохранить старое. Армия революции и армия контрреволюции часто одеты в одинаковые одежды, используют одинаковое оружие, но цели их разные и глубоко не правы те, кто

ставит между ними знак равенства на основании первого и не видит второго.

Но революция, разрушая старые институты, создает для культуры новые, не виданные ранее, пространства. Привлекая миллионы к управлению государством, перестройке экономики социальная революция не только дает им возможность овладеть культурой, но и в каком-то смысле обязывает к этому, потому что задачи революции нельзя решить без высокого культурного уровня.

Да, в Китае читали цитатник Мао. Но важно понимать значение этого сборника для конкретных условий Поднебесной тех лет. Очевидец событий культурной революции, француз Жан Делен писал в своей книге «Экономика Китая»: *«Идеи Мао и их почти чудодейственные свойства, которые им приписывают в Китае, подвергались осмеянию. Действительно, пропаганда режима часто так превозносит их, что мы не можем не поражаться, но катехизис гражданской добродетели, каким является «Красная книжечка», является фактором прогресса. Если ее эффективность трудно постигается представителями западных стран, которые совершали свою «культурную революцию» на протяжении нескольких веков, то это происходит потому, что они плохо понимают, насколько отсталым является сознание крестьян. О проделанных за короткий период преобразованиях свидетельствует заявление директора одной народной коммуны иностранцу: «В старое время (т.е. до 1949 г.) крестьяне приписывали болезни растений действиям богов и ничего не предпринимали для борьбы с ними. Сейчас кажда производственная бригада имеет человека, занимающегося выявлением наиболее распространенных болезней и средств борьбы с ними. До Освобождения крестьяне верили, что дождями управляет бог-дракон, а в настоящее время они знают их научные причины»¹.*

Конечно, для «интеллектуалов» привычно свысока поплевать на темную и забытую массу, только делающую первые самостоятельные интеллектуальные шаги и для которой цитатник является букварем марксизма. Но тем самым такой «интеллектуал» лишь покажет свой собственный низкий нравственный уровень. Первокласник читает букварь, а не Толстого и Достоевского, и лишь дурак поставит ему это в упрек.

¹ Делен Ж., указ. соч., с. 29. — Примеч. В.Шапинова

Тем не менее революции всегда и везде ставят в упрек то, что она вынуждена начинать с весьма низкого уровня, и дает массам в руки «примитивный» букварь. Только при этом забывают, что низкий уровень этот достается революции в наследство от старого общества. Пройдя букварь, можно приступить к более серьезному чтению, таким образом, «революционный букварь» пробивает брешь в той стене, которая в классовом обществе отделяет культуру для «элиты» от «культуры» для быдла.

Маяковский в первые годы революции писал стихи, пропагандирующие кипячение воды. И это говорит не против Маяковского, а против той отсталости в какой жил наш народ до 1917 года. В Китае эта отсталость была несоизмеримо больше.

Всякая революция пробуждает не только лучшие качества народа. В мутной воде исторического действия всегда находятся желающие половить свою рыбку, часто говоря самые «правильные» слова. Только имея в виду это, можно оценивать великие движения прошлого.

Но эксцессы, даже если они исходят от самих масс, а не связаны «левой» горячкой вождей, должны подвергаться критике. Но и сама критика должна осуществляться с позиций будущего, а не старого общества, иначе она не будет не чем иным, как призывом вернуться в старый хлеб.

Китайская революция дала массам голос. Здесь появилась уникальная форма свободы слова — дацзыбао. Дацзыбао означает «газета, написанная от руки большими иероглифами», она вывешивалась в специально отведенных для этого местах, или просто в местах скопления людей. Дацзыбао мог вывесить любой человек по собственному желанию, для них отсутствовала цензура, а в текст Конституции КНР лично Мао Цзэдуном был включен пункт, гласящий, что вывешивать дацзыбао — это право гражданина Китая.

При капитализме публичное выражение народными массами своего мнения практически исключено. Конечно, при буржуазной демократии каждый может выйти на улицу и кричать все, что ему вздумается, только это ни на что не повлияет. Средства массовой информации находятся в руках крупных монополий и выступают активным началом по отношению к так называемому «общественному мнению». То есть не общественное мнение отражается в СМИ, а наоборот, капитал при помощи СМИ формирует «общественное мнение».

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»¹, — писали К.Маркс и Ф.Энгельс в «Немецкой идеологии».

При социализме средства духовного производства присваиваются пролетариатом. Во-первых, путем развития классового сознания через всеобщее образование и вовлечение в управление обществом. Во-вторых, путем экспроприации технических средств распространения информации — типографий, радио, телестанций и т.п.

Однако, в условиях сохраняющегося разделения труда эти «средства духовного производства» переходят в распоряжение всего общества не непосредственно, а в лице представителя этого общества, каким является государство. А это рождает возможность всяческих бюрократических злоупотреблений, типа «зажима критики» и т.п. В принципе, это не составляет такой уж серьезной проблемы для общества, развивающегося к коммунизму, но в условиях отсталой страны и давления со стороны империализма и ревизионизма дело усложняется.

Поэтому найденная китайскими коммунистами форма дацзыбао стала мощным средством прямой демократии, защиты пролетариата от его собственных чиновников, а также подлинной свободы слова, не для узкого круга журналистов, писателей, философов, критиков, а для широких масс. Содержание дацзыбао никто не цензурировал, и они стали важнейшим фактором общественной жизни Китая в эпоху Мао. Наиболее значимые дацзыбао перепечатывали в газетах и передавали по радио.

С дацзыбао началась и культурная революция. Этой дацзыбао была написанная ассистентом философского факультета Не Юаньцзы и шестью студентами и аспирантами листовка с критикой руководства Пекинского университета, а также Пекинского горкома партии. Авторы дацзыбао критиковали

¹ *Маркс К. Немецкая идеология // К.Маркс, Ф.Энгельс. Избранные произведения в 3 т. Т. 1, с. 39. — Примеч. В.Шапинова*

руководство университета за зажим критики и запрет проведения публичных митингов и открытого обсуждения политической жизни. Появление этой дацзыбао послужило сигналом к началу массового движения среди студентов университета против первого секретаря парткома и ректора университета Лу Пина. И более широкого движения по всей стране против зажима критики, бюрократизации партии и государства, а также за дальнейшее движение к коммунизму, которое консервативные группы бюрократии всячески сдерживали.

В книге французского экономиста Шарля Беттельхейма «Китай 1972: экономика, промышленность и образование после культурной революции», рабочий Лю Миньни, лидер пропагандистской группы в университете Цинхуа в Пекине рассказывает о периоде господстве Лу Пина:

«Они испортили партию, постоянно принимая в нее буржуазных и реакционных профессоров, и, таким образом, преобразовали ее в «партию профессоров», всю пронизанную академической властью. ...В то время как в стране действовала диктатура пролетариата, университет Цинхуа был под властью буржуазии. Ян Наньсян удерживал оба поста — ректора и партийного секретаря университета. В идеологии он поклонялся индивидуалистической теории познания, утверждавшей вещи вроде: «ходи в школу, чтобы сделать себе имя», «выходи из школы как специалист, высокопоставленная персона, которая займет высокие посты в общественной иерархии и будет много зарабатывать»¹.

Мао Цзэдун лично дал указание перепечатать дацзыбао студентов и аспирантов Пекинского университета в центральных газетах и зачитать по радио. В центральном органе Компартии Китая «Жэньминь жибао» в дополнение к тексту Не Юаньцзы была также помещена статья «Приветствуем первую дацзыбао Пекинского университета». В статье говорилось, что в то время, как в стране разворачивается кампания против реакционной бюрократии, «в Пекинском университете препятствуют этому движению. Здесь царят холод и мертвячина, настоятельные революционные требования широких масс преподавателей и студентов подавляются»².

¹ Цит. по: В. Дикхут. Реставрация капитализма в СССР. — Примеч. В.Шапинова.

² Яковлев М. 17 лет в Китае, с. 165. — Примеч. В.Шапинова.

Так началась своеобразная «революция в революции», борьба масс против косного государственного и партийного аппарата под руководством левой части лидеров партии и самого Мао. Сторонники председателя чувствовали, что если оставить «все как есть» и не двигать революцию дальше, то угроза перерождения и реставрации станет реальностью, примером чего могли уже тогда служить «застойные» порядки в СССР.

В июне-июле 1966 года студенты всех столичных вузов развернули борьбу против партийного и административного руководства учебных заведений. Борьба велась в разных формах и быстро перешла от довольно мирных форм (вывешивание даэзыбао, митинги) к борьбе иногда с применением насилия по отношению к партийным боссам. Их заставляли присутствовать на митингах, где их разоблачали, как контрреволюционеров, на шею вешали таблички с оскорбительными надписями и т.п. Студенты штурмовали помещения парткомов и администраций вузов, вышвыривая руководство на улицу.

Активность студентов и их готовность защищать революционную линию натолкнули Мао и других левых лидеров КПК на мысль сделать основную ставку на этом этапе революции на учащихся. Эта ставка на молодежь и учащихся вдохновила бунтующих студентов Парижа в 1968 году, для них Мао стал живым богом революции. Но если в Европе левые студенты проиграли, то в Китае они добились серьезных успехов.

Движение учащихся приняло форму массовых непартийных организаций молодежи. В столичных университетах появились лидеры нового движения: Не Юаньцзы в Пекинском университете, Куай Дафу в Университете Цинхуа, Тань Хоулань в Пекинском педагогическом университете, Хань Айцзинь в Пекинском авиационном институте, Ван Дабин в Пекинской горной школе. Те из них, кто не отказался от революционных убеждений, после прихода к власти китайского Горбачева — Дэн Сяопина провели долгие годы в тюрьме.

Организации учащейся молодежи получили название «хунвейбины», что обычно переводится как «красногвардейцы». Образовавшиеся в ходе культурной революции объединения рабочей молодежи были названы «цзяофанями», что означает «бунтари». Слова «хунвейбин» и «цзяофань» для Великой Китайской революции означают примерно то же самое, что и слово «санкюлот» для Великой Французской революции XVIII века или «забастовщик» для русской революции 1905—1907 годов, то есть общее название революционно настроенных предста-

вителей народа. Хунвэйбинские организации были автономны и действовали в соответствии с собственным пониманием марксизма, они не подчинялись партийным или государственным учреждениям. Хунвэйбинские организации были формой самоорганизации народа для осуществления прямой пролетарской демократии и противодействия реставрации капитализма.

Молодые хунвэйбины, свергающие старых партийных бюрократов, были также и радикальным разрывом с конфуцианской традицией, тысячелетия закреплявшей авторитет власти, семьи и старшего поколения. Радикальный разрыв выступал не только как классовый конфликт пролетариата против национальной и мелкой буржуазии и связанных с ней представителей партийной бюрократии, но и как конфликт поколений, «отцов и детей». Так, одним из результатов культурной революции стал тот факт, что командные посты заняли представители нового поколения китайцев. Например, в Шанхае в 1974 году из 50 тысяч руководителей административных органов, управлений, заводов, торговых предприятий половину составляли люди моложе 30 лет¹.

Сам Мао вовсе не поощрял крайние действия хунвейбинов, наоборот, он показывал, что их деятельность должна быть частью широкого революционного движения к коммунизму:

«Маркс говорил: «Пролетариат не только должен освободить самого себя, но и должен освободить все человечество. Если он не сможет освободить все человечество, то и сам пролетариат не сможет по-настоящему добиться освобождения». Прошу товарищей также обратить внимание на эту истину»², — писал Председатель в письме одной из хунвейбинских организаций.

Так же мало обоснованы попытки представить Мао как диктатора, навязывающего силой «единомыслие». Социализм для Мао был обществом, где «расцветают сто цветов и соперничают сто школ», истина рождается в борьбе мнений, нет безусловных авторитетов, а вожди (пока в них есть нужда) должны подвергать себя самокритике. Не раз с самокритикой выступал и сам Мао.

Культурная революция направлялась против высшей и средней партийной бюрократии, которую необходимо было

¹ Лазарев В.И. Указ. соч., с. 205. — Примеч. В.Шапинова.

² Выступления и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. Сборник. Выпуск шестой. — М., «Прогресс», 1976. — с. 215. — Примеч. В.Шапинова.

«свергнуть». В то же время по отношению к широким массам, даже если над ними довлеет «старая сила общественной привычки» и они в той или иной мере противятся революции, принуждение не допускалось. Об этом специально говорилось в решении ЦК о культурной революции: *«Наличие неодинаковых мнений среди масс — нормальное явление. Споры между разными мнениями неизбежны, необходимы и полезны. В ходе нормальных и исчерпывающих дискуссий массы подтверждают правильное, исправляют ошибочное и постепенно достигают единства взглядов.*

В ходе дискуссий необходимо применять метод приведения фактов, выяснения истины и убеждения доводами. Нельзя прибегать к каким-либо средствам давления, чтобы навязать свое мнение меньшинству, придерживающемуся иной точки зрения. Меньшинство следует защищать, ибо иногда правда на его стороне. Даже когда меньшинство ошибается, ему все же следует позволить высказаться и остаться при своем мнении.

Когда идет дискуссия, ее нужно вести словами, а не пускаться в ход силу»¹.

В ходе культурной революции Мао вдохновлял идеал коммуны, — государства без бюрократии, где чиновники получают зарплату простого рабочего, полностью подконтрольны, избираемы и сменяемы народом в любой момент, государства диктатуры пролетариата. Коммуну создали восставшие рабочие Парижа в 1870 году, дав миру первый пример рабочего государства.

«Против... неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства, — писал Фридрих Энгельс. — Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо

¹ 11 Пленум ЦК КПК «Решение о великой пролетарской культурной революции», 8 августа 1966 года. — Примеч. В.Шапинова.

от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того»¹.

Коммуну создали в Шанхае в 1967 году сторонники Мао Цзэдуна — Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь. Здесь, в крупнейшем городе Китая, индустриальном центре Азии, наиболее «рабочем» городе страны, разыгралась самая крупная битва между левыми и правыми в ходе культурной революции. Сторонники первого секретаря Шанхайского горкома Чэнь Писяня (после смерти Мао в результате прихода к власти правых он станет секретарем ЦК КПК), проводившего правую линию, и сторонники члена горкома Чжан Чуньцяо, столкнулись на улицах города.

Важную роль в «захвате власти» в Шанхае сыграл молодой рабочий Ван Хунвэнь. Он одним из первых подверг открытой критике руководство шанхайского горкома, заявив, что партбоссы пошли по капиталистическому пути, и создал на текстильной фабрике одну из первых организаций цзяофаней («бунтарей») для свержения ревизионистов. Его выступление было сигналом для рабочих заводов и фабрик. Рабочие стали массово создавать собственные политические организации и включаться в борьбу с прогнившим руководством горкома.

6 января 1967 года Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэнь создали «митинг за свержение шанхайского горкома», собравший сотни тысяч рабочих. Бои в городе продолжались с 9 по 14 января и завершились взятием здания горкома массовыми организациями рабочих и учащихся под руководством Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня. Выступление левых, которое было позже названо «Январской революцией», привело к падению шанхайского горкома и переходу власти к сторонникам Мао Цзэдуна. Победа революции в Шанхае воодушевило Председателя, он сказал: *«Если поднялись революционные силы Шанхая, то есть надежда в масштабах всей страны».*

После шанхайских событий развернулась борьба за «захват власти» по всей стране. Массовые организации (теперь тон задавали рабочие организации цзяофаней, а не учащихся-хунвэйбинов, как до этого) открыто выступали против правых руководителей партии. Партбоссы называли действия массовых организаций *«отказом подчиняться руководству со стороны партии, нарушением устава партии, нарушением партийной дисциплины»*, в ответ члены массовых организаций

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 200. — Примеч. В. Шапинова.

заявляли: «Мы как раз и хотим разбить вдребезги и уничтожить устав партии, состряпанный Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Наш устав партии — это непобедимые идеи Мао Цзэдуна. Мы хотим быть членами маоцзэдуновской КПК. Мы не желаем быть членами партии царствующего дома Лю Шаоци»¹. Революция действительно совершалась не по уставу, и глупо было бы ожидать обратного. Классовый интерес — выше норм права. Массовые организации рабочих и учащихся, напрямую осуществляя диктатуру пролетариата, утверждали списки наиболее ненавистных бюрократов, которые решением масс исключались из партии.

Вопреки распространенным мифам о том, что Культурная революция была многолетним царством анархии, «захват власти» продолжался всего три-четыре недели, после чего Мао Цзэдун выступил с призывом «упорядочить ряды», «закрепить завоеванное».

Важнейшим результатом культурной революции, далеко выходящим за рамки чисто политических противоречий, является ломка тысячелетия складывавшихся в Китае на базе феодализма и азиатского способа производства общественных отношений и институтов общественного сознания, закрепленных в морально-идеологических схемах конфуцианства. Для дальнейшего развития (причем, независимо от того, капиталистического или социалистического) был необходим радикальный разрыв с этой традицией. Но он мог быть осуществлен только силами пролетариата, как показывает опыт соседней Индии. Буржуазия этой страны так и не смогла произвести свою буржуазную культурную революцию и сознание масс по-прежнему подчинено древним верованиям, а общество, интегрированное в мировую капиталистическую экономику, все так же, как и тысячу лет назад, воспроизводит кастовое деление.

Да, для разрыва нужно было и насилие. Причем в Индии «гуманистическими» последователями Ганди оно применялось куда в больших масштабах, чем коммунистами в Китае. Достаточно вспомнить практику принудительной стерилизации политических заключенных и подавление борьбы крестьян за земельную реформу в штате Западная Бенгалия.

¹ Хунвэй чжаньбао. №5 от 24 января 1967 года, цит. по: Галенович Ю.М., Из истории политической борьбы в КПК. М. 1988, с. 90. — *Примеч. В.Шапинова.*

Сам же Мао никогда не применял смертную казнь к своим политическим противникам. Даже тому, кто официально был признан контрреволюционером, оставляли жизнь и отправляли работать в сельскохозяйственный кооператив или на завод. Затем, часто, возвращали. Председатель говорил тем, кто настаивал на «сталинских» методах: *«Какой вред будет, если не казнить людей? Если можно человека перевоспитать трудом, так пусть перевоспитывается. Ведь и отбросы превращают в полезные вещи. Далее, человеческая голова не луковица, которую раз срежешь, и она опять вырастет. Срежешь голову по ошибке, захочешь исправить ошибку, да не тут-то было».*

Конечно, Мао не был толстовцем, но не был и нечаевцем. Видимо и здесь ему удалось нащупать «правильную линию».

Да, Мао писал о том, что «винтовка рождает власть», но важен контекст этого изречения. Это было сказано в 1938 году, в ходе антияпонской войны, когда дело действительно решалось «винтовкой». В другое время Мао подшучивал над западногерманскими левыми террористами из РАФ, которые *«перепутали Китай 1927-го и Германию 1972-го»*, решив создать Красную армию.

Найти путь между Сциллой реформизма и Харибдой ультралевого авантюризма — задача каждого революционера. С этой задачей Мао Цзэдун справился. Он не только выступал против левачества, но всегда помнил и напоминал другим, что *«революция — это не званый обед, не литературное творчество, не рисование или вышивание; она не может совершаться так изящно, так спокойно и деликатно, так чинно и учтиво. Революция — это восстание, это насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса».* Так и хочется написать эту цитату на лбу членам зюгановской КПРФ, не правда ли?

* * *

Кто не слышал о том, что «левые эксперименты» в экономике Китая в период Мао провалились? «Плановая система хозяйства неэффективна по сравнению с рыночной» — вот тезис, для обоснования которого, с точки зрения неолиберальной экономической науки, все средства хороши. В том числе и прямая подтасовка фактов, как в случае с социалистической экономикой Китая.